

УДК 93/94(47)+37.01
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-2-418-428
EDN JOCBGU
Оригинальное исследование

Конструирование «героя»: Образ М.И. Кутузова в советской коммеморативной политике

Скопинцев И.А.

Оренбургский государственный педагогический университет,
Россия, 460014, г. Оренбург, улица Советская, 19
E-mail: skopincevila2@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу коммеморации (практик увековечивания памяти) фигуры фельдмаршала М.И. Кутузова в советский период. В ней прослежена эволюция образа полководца от забвения и критики в 1920-е годы до тотальной героизации в эпоху Сталина и последующей канонизации. В фокусе исследования – инструментальный характер советской политики памяти, в рамках которой исторический образ Кутузова был целенаправленно гиперболизирован и очищен от противоречий для решения актуальных идеологических задач: мобилизации населения в годы Великой Отечественной войны, легитимации власти и создания мифа о непрерывной героической традиции. Автор приходит к выводу, что созданный в СССР культ Кутузова представляет собой яркий пример конструирования прошлого, эффективность которого обеспечила долговечность мифа, затмившего сложность реальной исторической фигуры.

Ключевые слова: М.И. Кутузов, политика памяти, коммеморация, советская идеология, историческая память, Отечественная война 1812 года

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Скопинцев И.А. 2026. Конструирование «героя»: Образ М.И. Кутузова в советской коммеморативной политике. *Via in tempore. История. Политология*, 53(2): 418–428. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-418-428. EDN: JOCBGU

Constructing a "Hero": The Image of Mikhail Kutuzov in Soviet Commemorative Politics

И.А. Skopintsev

Orenburg State Pedagogical University,
19 Sovetskaya St., Orenburg 460014, Russia
E-mail: skopincevila2@gmail.com

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the commemoration (practices of perpetuating memory) of Field Marshal Mikhail Kutuzov during the Soviet period. Based on a wide range of sources and historiographical materials, the evolution of the commander's image is traced, from oblivion and criticism in the 1920s to total heroization during the Stalin era and subsequent canonization until the late 1980s. The study focuses on the instrumental nature of Soviet memory politics, in which the historical image of Kutuzov was purposefully transformed, hyperbolized, and cleared of contradictions in order to address pressing ideological challenges, such as mobilizing the population during the Great Patriotic War, legitimizing power, and creating a myth of a continuous heroic tradition. The author concludes that the cult of Kutuzov created in the USSR is a prime example of the construction of the past, whose effectiveness ensured the longevity of the myth, overshadowing the complexity of the real historical figure.

Keywords: Mikhail Kutuzov, memory politics, commemoration, Soviet ideology, historical memory, Patriotic War of 1812

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Skopintsev I.A. 2026. Constructing a "Hero": The Image of Mikhail Kutuzov in Soviet Commemorative Politics. *Via in tempore. History and political science*, 53(2): 418–428 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-418-428. EDN: JOCBGU

Введение

Кампания 1812 года является одним из центральных событий истории России и Европы. Во многом ее удачное завершение определило важное место данной кампании в политике памяти Российской империи, Советского союза и Российской Федерации. Безусловно, наиболее активно и всесторонне тему войны 1812 года использовали в советский период, характеризующийся активным постарением мифологизированных историко-политических конструкций.

Советское построение коммеморативных практик во многом своеобразно и уникально. Данный период с его стремлениями к гиперболизации и юбилееманией, репрессивными методами и замалчиванием стал по-настоящему глубоким и неповторимым опытом построения национальных и мифологизированных конструкций. В данном контексте политика памяти советского государства, а зачастую советских вождей, не могла обойти стороной столь важное событие, как кампания 1812 года. Это историко-политическая конструкция прочно заняла одно из ведущих мест в советской политике памяти, приобретая все присущие ей черты, а зачастую выступая полем для новшеств и экспериментов в историко-идеологическом поле. Одной из главных персоналий в контексте политики памяти русской кампании, без сомнения, является фигура М.И. Кутузова.

Объект и методы исследования

Данная статья ставит целью проследить изменение отношения к персоне, отметить основные практики по увековечиванию памяти полководца, а также выявить присущие советскому взгляду на построение мифов черты. Исследование опирается на ряд трудов ученых-историков. В данном случае историография в значительной степени помогает проследить изменения в отношении к Михаилу Илларионовичу, безусловно, отражавшиеся и на политике памяти.

Работа М.Н. Покровского «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии» [Покровский, 1923] представляет нетипичную для советской историографии оценку Кутузова и его действий. Автор выражает скорее критическое отношение к полководцу и является фактически единственным публиковавшимся крупным автором советского периода с подобными взглядами. Другим представителем начального советского периода можно назвать Е.В. Тарле с работами, посвященными М.И. Кутузову [Тарле, 1941; Тарле, 2012]. Работы этого историка важны в контексте дальнейшего развития взглядов на Кутузова и мифотворчества, связанного с этим. Автор, не отрицая просчетов и недостатков полководца, тем не менее заложил основы дальнейшего восхваления и положительного утрирования образа Кутузова, в том числе в коммеморативном пространстве.

Труды П.А. Жилина «Фельдмаршал М.И. Кутузов» [Жилин, 1978] и «Контрнаступление Кутузова в 1812 году» [Жилин, 1950], а также работа Л.Г. Бескровного «Отечественная война 1812 г. и контрнаступление Кутузова» [Бескровный, 1951] представляются ярчайшими примерами сталинской официальной, по отношению к Кутузову, историографии. Во многом данный период закрепил в сознании советских граждан образ русского полководца. Упомянутые авторы отбрасывали всю предыдущую историографию как буржуазную и не спешили пользоваться зарубежными источниками. Однако в контексте проводимого нами исследования именно эти работы представляют особый интерес.

В дальнейшем – при всех переменах в политической конъюнктуре от хрущевской «оттепели» до брежневского «застоя» – идеализация Кутузова продолжилась, а нагнетали ее главным образом те же историки-сталинисты [Троицкий, 2003, с. 36]. При подобном одностороннем взгляде на персону работы Н.А. Троицкого «Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты» [Троицкий, 2003] и «1812. Великий год России» [Троицкий, 1988] дают более взвешенный вывод о полководце, его личности, таланте и жизненном пути.

Труды Н.А. Троицкого проложили путь к новому этапу в историографии периода и личности. Как отмечает в своем масштабном исследовании И.А. Шеин, в советский период произошел «окончательный разрыв с критической традицией», которая начала складываться в прошлом [Шеин, 2013]. Во многом именно этот не критический и хвалебный взгляд постарались преодолеть ученые-историки после распада социалистической системы. Среди трудов подобного характера стоит отметить работу «Кутузов: pro et contra» [Лапина, 2012]. Подобный опыт целостного взгляда на фигуру ярко демонстрирует, как из многогранных оценок могут быть выхвачены отдельные элементы, гипертрофирующие не только личность, но и всю эпоху в целом. Внимания стоит и монография В.М. Безотосного «Российский генералитет эпохи 1812 года. Опыт изучения коллективной биографии» [Безотосный, 2018]. Работа позволяет вернуть М.И. Кутузова в среду профессионального высшего офицерства и ярко демонстрирует отсутствие трепета и непогрешимой послушности у современников Кутузова.

Среди работ, посвященных коммеморативным практикам в советский период, стоит отметить работу В. Тихонова «Полезное прошлое: история в сталинском СССР» [Тихонов, 2024], статью Т.А. Сабуровой «Отечественная война 1812 года в коммеморативных практиках и исторической памяти российского общества XIX–XX века» [Сабурова, 2014], и труд А.В. Святославского «Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры» [Святославский, 2011]. Эти во многом уникальные в своих тематиках исследования дают представления о ключевом виде политики памяти, в том числе в рассматриваемом нами периоде.

Кроме того, следует обозначить основное понятие, то, как мы определяем понятие коммеморации. Во многом мы пользуемся исчерпывающим определением доктора культурологии А.В. Святославского. Коммеморация представляется «как сознательный социальный акт передачи нравственно, эстетически, мировоззренчески или технологически значимой информации (или актуализации ее) путем увековечения определенных лиц и событий, то есть введения образов прошлого в пласт современной культуры» [Святославский, 2011, с. 4]. Видами коммеморации в данном случае могут выступать годовщины и юбилеи, установка памятников и памятных знаков, переименование улиц и присваивание почетных званий, создание коллекций и открытие музеев, а также многие другие, не столь распространенные виды практик в области политики памяти.

Таким образом, данное исследование исходит из следующего основного тезиса: советская коммеморация Кутузова представляла собой не постепенную реабилитацию имперской фигуры, а её целенаправленную реинвенцию (переизобретение), служившую решению конкретных идеологических задач. Из аристократа-царедворца он был трансформирован в «народного полководца», а его образ был очищен от исторических противоречий и превращен в пластичный инструмент для легитимации власти, мобилизации населения и создания мифа о непрерывной героической традиции от Александра Невского до Иосифа Сталина. Этот процесс демонстрирует фундаментальные механизмы советской политики памяти в её чистом виде.

Результаты и их обсуждение

М.И. Кутузов прочно вошел в ландшафт русского национального мифа. Именно сопоставление фигуры фельдмаршала с кампанией 1812 года во многом и сделало его образ сакральным. Имперские власти, создававшие вокруг войны с Наполеоном культовый ареол, несомненно, сталкивались с необходимостью обеления и ретуширования образа

главнокомандующего русскими силами в этой войне. Именно имперский период коммеморации Кутузова и всей кампании 1812 года заложил основы его возвеличивания и замалчивания неудобных фактов его биографии. «Празднования 25-летия, 50-летия Отечественной войны приобрели ярко выраженное политическое значение, стремясь продемонстрировать единство власти и народа, становясь средством формирования представлений о величии России, особом национальном духе» [Сабурова 2014, с. 30]. Проводились празднования не только в памятные даты. При царской же власти был воздвигнут памятник на Бородинском поле и Храм Христа спасителя, оба в 1839 году и оба в сопровождении шествий, парадов и молебнов [Кухарук, 2002, с. 135–136]. Однако Кутузову не создавался исключительный героический образ, скорее он был человеком со своими слабостями и недостатками, о которых, однако, говорили не в первую и не во вторую очередь. Важно упомянуть, что ни одной по-настоящему значимой монографии или крупного исследования, посвящённого фигуре фельдмаршала, в этот временной период не наблюдается. Также фигуру Кутузова обходят стороной в контексте московских праздников, в городе не устанавливают памятник полководцу.

Советский же период продолжил и углубил эту традицию. Однако перед периодом явного возвеличивания Кутузова в советском пространстве памяти наблюдался период отказа и забвения, пришедший с революцией и продолжавшийся до второй половины 20-х годов. Советская власть стремилась отказаться от имперского наследия, показать несправедливость и отсталость царского режима. Одним из способов такого взгляда на прошлое стало применение политики замалчивания и замены центральных событий царского нарратива новыми, советскими. Важный сдвиг наметился с историографии, так, ведущей в этот период считалась оценка Кутузова со стороны М.Н. Покровского, представлявшаяся наиболее резкой из всех современных ему и оставшаяся такой на долгие годы. Автор считал главнокомандующего слишком старым «для каких-либо решительных действий». А с его назначением «и до конца кампании – армия в сущности лишилась всякого центрального руководства» [Покровский, 1923, с. 54].

Кутузов стал одной из фигур царского периода, к которым применялись действия по их забвению. Так, московский музей «Кутузовская изба», реконструированный после пожара при имперской власти, находился в фактическом запустении. В части помещения избы были размещены семьи, а в другой половине ютилась неохраняемая экспозиция. «В начале 1920-х годов в Кутузовской избе насчитывалось несколько сот экспонатов. Но штат музея отсутствовал, обязанности сторожа выполнял проживавший при музее инвалид» [Прохоров, 2000, с. 212]. Коснулась подобная политика памяти и других городов, так, в Смоленске фактически перестал существовать мемориальный комплекс «Кутузовский садик», в нем проводится реконструкция, названия, связанные с кампанией 1812 года, меняются, демонтируется бюст самого фельдмаршала [Фомин, 1995].

В целом советская власть, нацеленная на ярчайшие события предыдущего века, не могла обойти стороной и войну 1812 года. В этом отношении мероприятия борьбы с Михаилом Илларионовичем стали одной из составных частей борьбы с национальным мифом кампании 1812 года. Так, на Бородинском поле был взорван главный памятник – монумент «Отечественной войне 1812 года», а «заодно была разрушена могила П.И. Багратиона: надгробная плита сдана в металлолом, останки разбросаны» [Юдин, 2012, с. 39].

Подобный взгляд на память о кампании 1812 года и на фигуру М.И. Кутузова фактически сохранялся до конца 1920-х – начала 1930-х годов. Одним из последних актов проводимой в ранний советский период политики памяти стало вскрытие могилы Кутузова в условиях продажи культурных ценностей за границу. Не возражал против данного события сам Сталин, в будущем главный апологет полководца. Данное действие было совершено 4 сентября 1933 года [Васильев, 1992, с. 79].

К первой половине 1930-х годов новый взгляд на события прошлого обозначил все тот же Сталин. «Если 1920-е годы прошли под лозунгами революционного обновления, то

следующее десятилетие стало эпохой сталинского великодержавия» [Тихонов, 2024, с. 35]. Разгрому подвергаются взгляды Покровского и его учеников, взгляды, в том числе относящиеся к войне 1812 года. На передний план постепенно выходят апологеты Сталина и его взглядов на историю. Первым из них стал Е.В. Тарле. В своих трудах автор высоко оценивал полководца, но не приписывал ему спасение Отечества. На данном этапе для него он лишь талантливый полководец, обладавший острым умом и пользовавшийся популярностью в армии [Тарле, 1938, с. 75].

Проводимая политика памяти также идет в русле возвращения кампании 1812 года в плоскость ведущих историко-национальных нарративов. Так, 2 сентября 1937 года впервые был отмечен юбилей Бородинской битвы. Проводимые юбилейные мероприятия широко освещают в прессе, там же идет процесс становления «советского» образа М.И. Кутузова. Так, в «Правде» помещается статья Н. Кружкова о фельдмаршале, озаглавленная «Великий полководец». В ней герой предстает умудренным стариком, которой строго следовал намеченным планам, борясь с кознями царя и иностранцев в штабе [Кружков, 1937, с. 4]. В этот же период начинается реставрация памятников, в том числе памятников М.И. Кутузову. Выходит первое художественное произведение о Кутузове под авторством В.А. Соловьева. Резкое контрастирование с предыдущим периодом объясняется необходимостью мобилизации и централизации общественно-политических структур. Населению требовался объект рефлексии и гордости, а властям – объект отождествления вождей прошлого с вождями настоящего. «Вот так за несколько лет до Великой Отечественной войны была проведена четкая аналогия великих побед и личностей прошлого с вождями настоящего и их деятельностью» [Юдин, 2012, с. 41].

Значительно ускорила и углубила этот процесс начавшаяся война. К 1941 году образ Кутузова был полностью реабилитирован и подготовлен к дальнейшей эксплуатации в пространстве памяти. Безусловно, совершенно неслучайным представляется упоминание кампании 1812 года в обращении Молотова от 22 июня 1941 года и обещание: «То же будет и с зазнавшимся Гитлером» [Молотов, 1941, с. 1]. Неслучайно и показательно обозначение Сталиным в выступлении по случаю 24-й годовщины революции советской нации как «нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!..» [Сталин, 1948, с. 30]. Наконец, совершенно однозначно взгляд советского вождя на Михаила Илларионовича и его место в пространстве памяти демонстрирует сказанное Сталиным на параде 7 ноября 1941 года. В своем обращении он заявил: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – <...> Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас непобедимое знамя великого Ленина!» [Сталин, 1941, с. 1]. Все эти ярчайшие примеры демонстрируют попытку советской системы для собственной стабилизации и легитимации вплести в национальный нарратив героев прошлого.

Период войны 1941–1945 годов стал настоящим взрывом интереса государственной пропаганды к фигуре М.И. Кутузова. На этом этапе были опробованы все возможные пути коммеморации полководца, заложив основы для дальнейшего закрепления образа «спасителя Отечества». «В этот же период в кабинете Верховного Главнокомандующего в Кремле появились портреты А.В. Суворова и М.И. Кутузова» [Юдин, 2012, с. 42]. Сам Сталин отзывается о царском фельдмаршале как о великом полководце, даже в личных беседах и на приемах. Продолжается постановка пьесы В.А. Соловьева.

Важной вехой становится учреждение 29 июля 1942 года Ордена Кутузова. Награда имела 3 степени и стала одной из высших наград [Шуняков, 2018, с. 33]. Кроме того, создавались и издавались ряд плакатов, марок, открыток и изображений полководца. Одним из интереснейших и нетипичных способов увековечивания образа Кутузова в обществе стала попытка размещения изображения полководца на банкнотах. В конце 1942 – начале 1943 года главный художник Госзнака И.И. Дубасов предложил проект, согласно которому на новых денежных знаках будут размещены «великие полководцы», в том числе и М.И. Кутузов. Венчала же собрание банкнот купюра в 25 червонцев с изображением Ленина, объединяя таким образом два нарратива,

повторяя в некоторой степени речь Сталина от 7 ноября 1941. Однако проект так и остался проектом ввиду «мысли о будущей денежной реформе» [Богданов, 2018, с. 2]. Кроме того, в 1943 году на станции метро «Новокузнецкая» был размещен барельеф с изображением Михаила Илларионовича, став одним из первых памятных знаков полководцу в Москве.

Окончание войны не принесло окончания восхищения и гиперболизации образа Кутузова в советской политике памяти. По прихоти и указке Сталина был создан «совершенно новый в произведениях искусства образ Кутузова, мудрого и талантливого стратега, волевого и мужественного полководца, простого и отзывчивого командира, любимца армии, хорошо знающего дух своего народа» [Большаков 1950, с. 120]. Этот образ имел мало общего с настоящим Кутузовым. Но во многом данный образ стал удобным инструментом сплочения, мобилизации и легитимации, помогая советскому вождю удерживать власть в непростых обстоятельствах.

Во время и после войны в области историографии намечается крен, согласно «линии партии», в сторону возвеличивания Кутузова. В значительной мере это выразится в послевоенные годы. Так, к 1945 году «число брошюр и научных статей о генерал-фельдмаршале превысило два десятка» [Будницкий, 2012, с. 164]. Окончательно дискуссии, даже слабого характера, закрыла брошюра, изданная к юбилею со дня рождения полководца. В ней идеализировался не только Кутузов-человек, но и Кутузов-полководец. Главным тезисом брошюры стали следующие слова: «Полководческое мастерство Кутузова... превзошло полководческое мастерство Наполеона» [Михаил Илларионович Кутузов: к 200-летней годовщине со дня рождения, 1945, с. 29]. Таланты и успехи полководца, вопреки принципу историзма, активно сравниваются с талантами Сталина. К 1947 году на ведущие роли в советской историографии войны 1812 года выходят П.А. Жилин и Л.Г. Бескровный, ставшие самыми большими апологетами полководца. Руководствуясь в написании работ указаниями и мнениями товарища Сталина, «первого, кто обратил достойное внимание на талант и заслуги полководца», историки продолжали создавать безупречный образ Кутузова [Жилин, 1950, с. 29; Бескровный, 1951, с. 6]. В работах историков образ Михаила Илларионовича окончательно затмевает саму кампанию 1812 года.

Одной из важнейших дат в контексте коммеморации Михаила Илларионовича стал его 200-летний юбилей, отмечаемый 16 сентября 1945 года. Само празднование проходило с размахом в условиях недавно окончившейся мировой войны. Особое внимание уделялось вовлечению в мероприятия больших масс населения для ознакомления с фигурой фельдмаршала. Юбилей и проходившие мероприятия были широко освещены в прессе. В нескольких статьях он величается «великим русским полководцем», «глубоко чувствующим противника [Наполеона]», «победителем Бородина». Читателей погружают в подробности его жизни и «подвигов», которые соседствуют с отождествлениями кампании 1812 года и Великой Отечественной войны, а также самого Михаила Илларионовича со Сталиным. Кроме того, газетный выпуск дает представление и о размахе проводимых торжественных мероприятий. Празднование юбилея затронуло все крупные города. Так, в Ленинграде открылась крупная выставка, посвященная полководцу, на которой представлялся ряд исторических реликвий периода: от пули с Бородинского поля до гравюр и собраний наградных документов. Кроме того, было организовано возложение цветов к могиле полководца его правнучкой Н.Н. Хитровой. В Свердловске и области организовывались выставки, беседы. «Большую работу проделал коллектив областного архива, организовавший сбор документов». О подобных мероприятиях сообщалось и в Горьком, и в Калинин, и в Минске, где торжества были объединены с «Днем освобождения белорусского народа». Юбилей стал первым масштабным празднованием даты, связанной с именем Кутузова.

Кроме того, Москва окончательно превращается в центр памяти для фигуры самого полководца и войны 1812 года. Несмотря на явную вину М.И. Кутузова в главной трагедии – московском пожаре [Холодковский, 1966, с. 34], именно этот город станет ассоциироваться с его именем.

В 1950-х – 1960-х годах коммеморативные мероприятия, касающиеся М.И. Кутузова, приобретают скорее закрепляющий характер, вид, призванный окончательно увековечить

полководца как «спасителя отечества». По всей стране устанавливаются памятные знаки и памятники, посвященные Михаилу Илларионовичу. В 1952 году появляется очередное барельефное изображение полководца, в этот раз подобный объект был создан на станции «Комсомольская-кольцевая». «В 1953 г. был воздвигнут памятник М.И. Кутузову в Калининграде (скульптор – Я. Лукашевич), а в 1954 г. – в Смоленске (скульптор Г.И. Мотовилов, арх. Л.М. Поляков)» [Юдин, 2012, с. 47]. Кутузов продолжает изображаться на марках, плакатах и открытках, что значительно популяризировало его образ. В 1957 году в честь него был назван «Кутузовский проспект», одна из тех улиц, по которым русские войска отходили после поражения при Бородино. Отдельного упоминания заслуживает открытие 7 ноября 1958 года станции метро в Москве под названием «Кутузовская». Это станция на момент своего открытия стала первой и единственной, посвященной фигуре не советской истории.

В 1962 году торжества, сравнимые с юбилеем Кутузова в 1945 г., прошли по всей стране, а центром празднований вновь стала Москва. Основные же мероприятия были проведены осенью и приурочивались ко дню Бородинского сражения. Так, были выпущены наборы марок и значков, посвященных событиям полуторавековой давности и их героям, в том числе и с изображением Кутузова. По всей стране открывались памятники и мемориалы, устанавливались памятные доски [Главархив Москвы, 2022]. Кроме того, в честь праздника было построено новое здание для музея Бородинской панорамы [Бассейн, 1961, с. 4]. Также был открыт отдел «Кутузовская изба» – место проведения известного совета в Филях. Юбилей в столице не обошелся без митингов и праздничных мероприятий, которые «закончились торжественным собранием в Кремлевском Дворце Съездов» [Митрашенкова, 2016, с. 235].

Киноиндустрия отметилась премьерой двух фильмов, отразивших «советского Кутузова», посвященных войне 1812 года. 7 сентября 1962 года на экраны страны вышел фильм «Гусарская баллада», премьера которого была приурочена к годовщине Бородинской битвы. «В 1968 г. режиссер, народный артист СССР С.Ф. Бондарчук снял четырехсерийный фильм «Война и мир» [Батюк, 2017, с. 138].

В условиях холодной войны образ Кутузова приобрёл внешнеполитическую и стабилизационную функцию. Если в 1940-е годы он служил мобилизации против внешнего врага, то в 1960–1970-е годы он стал символом внутренней стабильности, преемственности и «правильной» исторической ориентации. Кутузов теперь олицетворял не просто победу, а победу государственной мудрости над поспешными авантюрами, что было созвучно брежневскому курсу на «разрядку». Его культ, лишенный уже прямой сталинской агрессии, превратился в канонизированный и легко тиражируемый элемент «советского образа жизни». Эта инерция коммеморации, когда масштабные юбилеи и установка памятников продолжались по инерции уже отработанного ритуала, сама по себе стала характерной чертой позднесоветского периода.

Несмотря на развенчание сталинского культа и первоначально преследование апологетов царского полководца 1812 года, вскоре все вернулось к военному и послевоенному нарративу. В глазах советской номенклатуры М.И. Кутузов представлялся идеальным кандидатом для истинного борца с иностранцами, противостоящим им и на поле боя, и в тылу, и в штабах. К этому моменту Бородино стало считаться окончательной и полной победой Кутузова [Тарле, 2012, с. 249], а своим талантом он «двумя головами выше Барклая-де-Толли» [Кудряшов, 1992, с. 172].

К моменту брежневского застоя идеализация Кутузова порой доходила до абсурда: «изданная в 1976–1980 гг. 8-томная советская военная энциклопедия под редакцией П.А. Жилина» включает в себе статью в 6,5 раз большую, чем статью о Барклае-де-Толли [Троицкий, 2003, с. 39]. К этому же времени относится окончание номенклатурной борьбы за установку памятника Кутузову в Москве. Постановление о создании памятника вышло еще при Сталине, однако проект так и не был реализован. При Н.С. Хрущеве же проект не поддержали, «об исполнении "заказа Сталина" в первые годы активной борьбы с культом личности, понятное дело, не могло быть и речи» [Максименков, 2012, с. 48]. Затем проект

просто не успевали реализовать в срок. К 1965–1967 годам в советской номенклатуре развернулась борьба за и против памятника. Выступавшие за сооружение памятника, считали проект Н.В. Томского удачным и необходимым: «Глубокая патриотическая идея монумента раскрыта скульптором художественно убедительно, ясным и выразительным пластическим языком» [Максименков, 2012, с. 48]. Другая сторона, представленная доктором исторических наук С.М. Дубровским, генерал-майором С.И. Петровским и инженером-полковником И.М. Дашевским, придерживалась противоположного взгляда. В поданном ими обращении еще на имя Н.С. Хрущева они резко противились установлению памятника М.И. Кутузову именно в Москве, считая такое решение «крайне неудачным» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 597. Лл. 46–55]. Открытие памятника случилось в 1973 году. Архитектор Н.В. Томский был удостоен Ленинской премии. Надпись на нем гласила: «Михаилу Илларионовичу Кутузову. Славным сынам русского народа, одержавшим победу в Отечественной войне 1812 года».

Во многом именно установление памятника М.И. Кутузову в Москве стало завершением яркого и всепроникающего увековечивания памяти полководца. Безусловно, издание литературы, показ фильмов и спектаклей, печатание открыток и газетных статей продолжается вплоть до сегодняшнего дня. Однако столь яркие и фундаментально меняющие политику памяти события больше не случались. Образ Кутузова был сформирован и продолжал сохраняться.

Заключение

Проведенный анализ позволяет ярче выделить уникальные черты именно советской коммеморации Кутузова. В отличие от имперского периода советский подход был целенаправленным, тотальным и основанным на разрыве с предыдущей традицией с последующим её прагматичным заимствованием. В отличие от современной российской политики памяти, где Кутузов является одним из многих «героев» пантеона, в СССР он на несколько десятилетий стал центральным, почти безальтернативным символом досоветской военной славы, чей образ был напрямую спаян с фигурой Верховного Главнокомандующего. То, как образ фельдмаршала использовался для решения сиюминутных политических задач, и составляет суть феномена советской коммеморации, превратившей исторического деятеля в обслуживающий идеологию миф.

Из аристократа-царедворца, верного монарху, он был трансформирован в «народного полководца», гения стратегии, чья мудрость и план изначально предопределили победу. Неповторимость советского опыта заключается в его инструментальном и конъюнктурном характере.

Образ Кутузова не просто вернули из небытия – его заново изобрели, сделав краеугольным камнем государственного мифа о непрерывной героической традиции от Александра Невского до Сталина. Память о 1812 годе эксплуатировалась для мобилизации народа в 1941-м, создавая мощные исторические параллели между «нашествием двенадцати языков» и «вероломным нападением гитлеровской Германии». Именно эта гиперболизация и идеализация стали отличительной чертой культа. Все сложности и противоречия личности полководца, тактические просчеты и тяжёлые потери были отброшены. Его осторожность, трактовавшаяся ранее как пассивность, была объявлена высшей формой стратегической мудрости, а сдача Москвы – гениальным жертвенным ходом. Образ советского Кутузова – монументальный, почти былинный герой, единственная функция которого – вести народ к победе.

Коммеморация Кутузова в СССР стала блестящим примером того, как прошлое можно не просто помнить, но и целенаправленно конструировать. Созданный образ, несмотря на свою историческую условность, оказался чрезвычайно эффективным. Он не только укрепил патриотический дух в критический момент истории, но и на десятилетия вперёд закрепил в массовом сознании идеализированный канон «народного полководца». К сожалению, иногда сила национального мифа поглощает историческую правду и многогранность, превращая целые эпохи и фигуры в инструмент политической борьбы.

Список источников

- Российский Государственный архив новейшей истории Ф. 3. Политбюро ЦК КПСС (1952–1991 гг.). Оп. 50. Д. 597. Постановления Президиума ЦК КПСС и материалы по вопросам празднования важнейших военных событий, утверждения мероприятий по увековечиванию военных событий, установления памятников Победы над Германией, 150-летия Отечественной войны 1812 г., битвы на Волге и жертвам Освенцима.
- И. Сталин. 1948. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Москва, Воениздат, 207 с.
- Главархив Москвы. 2022. О том, как отмечали 150-летие победы в Отечественной войне 1812 года. URL: <https://www.mos.ru/news/item/111784073/>
- Молотов В.М. 1941. Выступление по радио Заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В.М. Молотова. Звезда, 23 июня 1941 года, № 146, с. 1.
- Михаил Илларионович Кутузов: к 200-летней годовщине со дня рождения. Москва, Типография газеты Правда, 1945. 31 с.
- Богданов А. 2018. «Заем Победы» и банкноты с Дмитрием Донским из истории военных лет продукции Гознака. Наша газета – Новости Гознака, май 2018. года, № 8 (260), с. 2.
- Максименков Л. 2012. Приключения Кутузова в СССР. Огонек. 17. сентября 2012. года. № 37, с. 48.
- Кружков Н. 1937. Великий полководец. Правда. 2 сентября 1937 года. № 242, с. 4.
- Сталин И.В. 1941. Речь Председателя Государственного Комитета Оборона и Народного Комиссара Оборона тов. И.В. Сталина на Красной площади в день XXIV годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции. Правда. 8 ноября 1941 года. № 310, с. 1.
- Михаил Илларионович Кутузов. К 200-летней годовщине со дня рождения. Правда. 16 сентября 1945 года. № 222, с. 1–3.
- Бассейн Ю. 1961. Панорама «Бородино». Известия. 20 февраля 1961 года. № 44, с. 4.

Список литературы

- Батюк Л.И. 2017. Образ Отечественной войны 1812 года в русской культуре. *Вестник МИЭП*, 1(26): 131–139.
- Безотосный В.М. 2018. Российский генералитет эпохи 1812 года. Опыт коллективной биографии. Москва, Российская политическая энциклопедия, 671 с.
- Бескровный Л.Г. 1951. Отечественная война 1812 г. и контрнаступление Кутузова. Москва, Издательство Академии наук СССР, 179 с.
- Большаков И.Г. 1950. Советское киноискусство в годы Великой Отечественной войны. Москва, Госкиноиздат, 216 с.
- Будницкий О.В. 2012. Изобретая Отечество: история войны с Наполеоном в советской пропаганде 1941–1945 годов. *Российская история*, 6: 157–169.
- Васильев А. 1992. Сигналы к битве и виктории. *Родина*, 6–7: 78–79.
- Жилин П.А. 1950. Контрнаступление Кутузова в 1812 году. Москва, Военное издательство, 192 с.
- Жилин П.А. 1978. Фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов. Жизнь и полководческая деятельность. Москва, Военное издательство, 399 с.
- Кудряшов С. 1992. Кутузов был выше двумя головами. *Родина*, 6–7: 169–172.
- Кутузов: pro et contra. Образ Кутузова в культурной памяти об Отечественной войне 1812 года: антология. 2012. Санкт-Петербург, РХГА, 941 с.
- Кухарук А. 2002. Некруглая дата. Открытие памятника на Бородинском поле в 1839 году. *Родина*, 8: 134–136.
- Митрашенкова Л.В. 2016. Музей-панорама «Бородинская битва». *Россия и современный мир*, 4(93): 233–239.
- Покровский М.Н. 1923. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии: сборник статей. Москва, Издательство Красная новь, 392 с.
- Прохоров М.Ф. 2000. «Из истории музея «Кутузовская изба» в 1920-е годы». *Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы IX Всероссийской научной конференции*. Москва, Калита: 211–221.
- Сабурова Т.А. 2014. Отечественная война 1812 года в коммеморативных практиках и исторической памяти российского общества XIX–XX века. *Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Доклады Международной конференции «Россия и Наполеоновские войны»*

- (Межотне). XII: Сборник материалов. К 200-летию Заграничных походов российской армии 1813–1814 гг. Москва, Государственный исторический музей: 377–396.
- Святославский А.В. 2011. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры. Автореферат диссертации доктора культурологии, Московский государственный педагогический университет, 53 с.
- Тарле Е.В. 1938. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. Москва, Соцэкгиз, 284 с.
- Тарле Е.В. 1941. Михаил Кутузов. Москва, Воениздат НКО СССР, 30 с.
- Тарле Е.В. 2012. Михаил Илларионович Кутузов – полководец и дипломат. *Народное образование*, 9: 245–258.
- Тихонов В. 2024. Полезное прошлое: История в сталинском СССР. Москва, Новое литературное обозрение, 368 с.
- Троицкий Н.А. 1988. 1812. Великий год России. Москва, Мысль, 348 с.
- Троицкий Н.А. 2003. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. Москва, ЗАО издательство Центрполиграф, 367 с.
- Фомин И. 1995. Легенда о Кутузовском садике. *Вдохновение*, 7–8: 7–8.
- Холодковский В.М. 1966. Наполеон ли сжег Москву? *Вопросы истории*, 4: 31–43.
- Шеин И.А. 2013. Война 1812 года в отечественной историографии. Москва, Научно-политическая книга, 462 с.
- Шуныков Д.В. 2018. Развитие советской наградной системы и поощрений военнослужащих в 1941–1945 гг. *ВИЖ*, 4: 30–37.
- Юдин М.В. 2012. Образ М.И. Кутузова в советской пропаганде. *Преподавание истории в школе*, 6: 68–73.

References

- Batyuk L.I. 2017. Obraz Otechestvennoj vojny 1812 goda v russkoj kul'ture [The Image of the Patriotic War of 1812 in Russian Culture]. *Vestnik MIEHP* [MIEP], 1(26): 131–139 p.
- Bezotosnyj V.M. 2018. Rossijskij generalitet ehpokhi 1812 goda. Opyt kollektivnoj biografii [The Russian General Staff of the 1812 Era. An Attempt at a Collective Biography]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya, 671 p.
- Beskrovnyj L.G. 1951. Otechestvennaya vojna 1812 g. i kontrnastuplenie Kutuzova [The Patriotic War of 1812 and Kutuzov's Counteroffensive]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 179 p.
- Bol'shakov I.G. 1950. Sovetskoe kinoiskusstvo v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Soviet Cinematography during the Great Patriotic War]. Moscow, Goskinoizdat, 216 p.
- Budnickij O.V. 2012. Izobretaya Otechestvo: istoriya vojny s Napoleonom v sovetskoj propagande 1941–1945 godov [Inventing the Fatherland: The History of the War with Napoleon in Soviet Propaganda 1941–1945]. *Rossijskaya istoriya* [Russian History], 6: 157–169.
- Vasil'ev A. 1992. Signaly k bitve i viktorii [Signals for Battle and victory]. *Rodina* [Homeland], 6–7: 78–79.
- Zhilin P.A. 1950. Kontrnastuplenie Kutuzova v 1812 godu [Kutuzov's Counteroffensive in 1812]. Moscow, Voennoe izdatel'stvo, 192 p.
- Zhilin P.A. 1978. Fel'dmarshal Mikhail Illarionovich Kutuzov [Field Marshal Mikhail Illarionovich Kutuzov. Life and Military Activity]. Zhizn' i polkovodcheskaya deyatel'nost'. Moscow, Voennoe izdatel'stvo, 399 p.
- Kudryashov S. 1992. Kutuzov byl vyshe dvumya golovami [Kutuzov was two heads taller]. *Rodina* [Homeland], 6–7: 169–172.
- Kutuzov: pro et contra. Obraz Kutuzova v kul'turnoj pamyati ob Otechestvennoj vojne 1812 goda: antologiya [The Image of Kutuzov in the Cultural Memory of the Patriotic War of 1812: Anthology]. 2012. Sankt-Peterburg, RKHGA, 941 p.
- Kukharuk A. 2002. Nekruglaya data. Otkrytie pamyatnika na Borodinskom pole v 1839 godu [Non-Round Date. Unveiling of the Monument on the Borodino Field in 1839]. *Rodina* [Homeland], 8: 134–136.
- Mitrashenkova L.V. 2016. Muzej-panorama «Borodinskaya bitva» [Museum-panorama "Battle of Borodino"]. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the Modern World], 4(93): 233–239.
- Pokrovskij M.N. 1923. Diplomatiya i vojny carskoj Rossii v XIX stoletii: sbornik statej [Diplomacy and Wars of Tsarist Russia in the 19th Century: A Collection of Articles]. Moscow, Izdatel'stvo Krasnaya nov', 392 p.
- Prokhorov M.F. 2000. «Iz istorii muzeya «Kutuzovskaya izbA» v 1920-e gody». Otechestvennaya vojna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki ["From the history of the Kutuzovskaya Hut Museum in the 1920s." The Patriotic War of 1812. Sources. Monuments]. Problemy: materialy IX Vserossijskoj nauchnoj konferencii [Problems: Proceedings of the IX All-Russian Scientific Conference]. Moscow, Kalita: 211–221.

- Saburova T.A. 2014. Otechestvennaya vojna 1812 goda v kommémorativnykh praktikakh i istoricheskoy pamyati rossijskogo obshchestva XIX–XX veka. Ehpokha 1812 goda. Issledovaniya. Istochniki. Istoriografiya. [The Patriotic War of 1812 in the Commemorative Practices and Historical Memory of the Russian Society of the XIX–XX Century. The Era of 1812. Researches. Sources. Historiography. Reports of the International Conference "Russia and the Napoleonic Wars" (Mezhdunarod)] Doklady Mezhdunarodnoj konferencii «Rossiya i Napoleonovskie vojny» (Mezhotne). XII: Sbornik materialov. K 200-letiyu Zagranichnykh pokhodov rossijskoj armii 1813–1814 gg. [XII: Collection of Materials. On the 200th Anniversary of the Foreign Campaigns of the Russian Army in 1813–1814] Moscow, Gosudarstvennyj istoricheskij muzej: 377–396.
- Svyatoslavskij A.V. 2011. Sreda obitaniya kak sreda pamyati: k istorii otechestvennoj memorial'noj kul'tury [Habit as a Memory Environment: Towards the History of National Memorial Culture. Abstract of the Dissertation of the Doctor of Cultural Studies]. Avtoreferat dissertacii doktora kul'turologii, Moskovskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 53 p.
- Tarle E.V. 1938. Nashestvie Napoleona na Rossiyu. 1812 god [Napoleon's Invasion of Russia]. Moscow, Sochekgiz, 284 p.
- Tarle E.V. 1941. Mikhail Kutuzov [Mikhail Kutuzov]. Moscow, Voenizdat NKO SSSR, 30 p.
- Tarle E.V. 2012. Mikhail Illarionovich Kutuzov – polkovodec i diplomat [Mikhail Illarionovich Kutuzov is a Military Commander and Diplomat]. *Narodnoe obrazovanie* [National Education], 9: 245–258.
- Tikhonov V. 2024. Poleznoe proshloe: Istoriya v stalinskom SSSR [The Useful Past: History in the Stalinist USSR]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 368 p.
- Troickij N.A. 1988. 1812. Velikij god Rossii [1812. The Great Year of Russia]. Moscow, Mysl', 348 p.
- Troickij N.A. 2003. Fel'dmarshal Kutuzov: mify i fakty [Field Marshal Kutuzov: Myths and Facts]. Moscow, ZAO izdatel'stvo Centrpoligraf, 367 p.
- Fomin I. 1995. Legenda o Kutuzovskom sadike [The Legend of Kutuzov's Garden. Vdokhnovenie [Inspiration]. 7–8: 7–8.
- Kholodkovskij V.M. 1966. Napoleon li szheg Moskvu? [Did Napoleon Burn Moscow?] *Voprosy istorii* [Questions of History], 4: 31–43.
- Shein I.A. 2013. Vojna 1812 goda v otechestvennoj istoriografii [The War of 1812 in Russian Historiography]. Moscow, Nauchno-politicheskaya kniga, 462 p.
- Shunyakov D.V. 2018. Razvitie sovetskoj nagradnoj sistemy i pooshchrenij voennosluzhashchikh v 1941–1945 gg. [The Development of the Soviet Award System and Rewards for Military Personnel in 1941–1945] *VIZH*, 4: 30–37.
- Yudin M.V. 2012. Obraz M.I. Kutuzova v sovetskoj propagandje [The Image of M.I. Kutuzov in Soviet Propaganda]. *Prepodavanie istorii v shkole* [Teaching History at school], 6: 68–73.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 04.11.2025

Поступила после рецензирования 09.02.2026

Принята к публикации 11.02.2026

Received November 4, 2025

Revised February 9, 2026

Accepted February 11, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Скопинцев Илья Андреевич, член отделения Российского исторического общества в Оренбургской области, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия

 [ORCID: 0009-0009-7738-5723](https://orcid.org/0009-0009-7738-5723)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Илья А. Скопинцев, Member of the Russian Historical Society in the Orenburg Region, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia